

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанского

Выпускъ II

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27

1902

Пять сойотскихъ сказокъ.

Сирота-парень.

Юскус-оль (сирота-парень) шлялся. Пришелъ, шляясь, на стойбище богатаго человѣка. На одно пришелъ, телячью привязь (шеле) нашелъ; на другое пришелъ, недоуздокъ жеребенка нашелъ, на третьемъ стойбищѣ—ягнячью привязь (кюнѣ салба) нашелъ. Эге, думаетъ онъ, это не спроста, это я трехъ богачей приплодъ скота, сѣмя нашелъ. Пришелъ, шляясь дальше, на соединеніе трехъ рѣкъ, легъ спать. Проспавши мѣсяцъ, проснулся. Проснувшись, увидѣлъ—стоитъ половина юрты. Два мѣсяца проспалъ; проснувшись, видѣтъ: лежитъ въ его объятіяхъ, какъ луна - солнце, красивая дѣвушка. Три мѣсяца спалъ; проснувшись, видѣтъ: въ юрѣ имущество лежитъ, на улицѣ (таштынде) шумъ скота (мал чилен), въ объятіяхъ у него прелестная, какъ луна и солнце, дѣвушка, три старухи котлы ставить, три парня-пастуха сидятъ.

Вышелъ на улицу Юскус-оль помочиться, коновязь увидѣлъ; у коновязи осѣдланный серебрянымъ сѣдломъ цвѣтной, пестрый конь поставленъ. Въ юрту вошелъ, чай приготовленъ, стоитъ разлитый въ хо и въ домбу *). Хотѣлъ надѣть прежніе желтые кошемные сапоги, желтую шубу, смотрѣть: лежитъ красная шелковая шуба, тогырзак—шапка тутъ, вышитые сапоги лежатъ. Надѣвшіи обувь и платье, напившись чаю, вышелъ изъ юрты, на коня сѣлъ, поѣхалъ.

Ѣдетъ, стоитъ множество верблюдовъ—степи не хватаетъ. Подѣхавши къ пастуху, спрашивается: чьи верблюды?—Юскусъ-оль—богача, отвѣчалъ пастухъ.

Дальше Ѣдетъ, къ конскому пастуху подѣхалъ, спросилъ: чьи табуны?—Юскусъ-оль—богача, отвѣчалъ пастухъ.

Къ коровьему пастуху подѣхалъ—Эй, пастухъ, чыхъ коровъ пасешь?—Юскусъ-оль—богача коровъ пасу, отвѣчаетъ пастухъ.

Къ овчье му пастуху подѣхалъ—степи для овецъ не хватаетъ. Старикъ овецъ пасеть. — Чыхъ овецъ, старикъ, пасешь?—Юскусъ-оль, богача, овецъ пасу. — Какъ это разбогатѣлъ Юскусъ-оль, а, старикъ?—Какъ разбогатѣлъ Юскусъ-оль тебѣ сказать... трехъ богачей сѣмя скота нашелъ, вотъ какъ.—Какъ же нашелъ трехъ богачей сѣмя Юскусъ-оль?—А пришелъ онъ при соединеніи трехъ рѣкъ на три пустыхъ стойбища, три скотскихъ привязи нашелъ, три мѣсяца, девяносто ночей проспалъ, тѣмъ и приобрѣлъ скотское сѣмя Юскусъ-оль жену гдѣ высоваталъ и какого человѣка дочь, странкъ? Сказать тебѣ какого человѣка дочь его жена, просиши! Уванъ-хана дочь; скотъ той дѣвушки приданое будетъ.

Узнавъ все, Юскусъ-оль поѣхалъ домой. Пріѣхавъ, любовно разговариваетъ, рассказываетъ. Сталъ поживать. Каждое утро Юскусъ-оль скотъ и табуны повѣрялъ. Въ одно утро уѣхалъ Юскусъ-оль скотъ повѣрять. Когда онъ отсутствовалъ, въ улусъ пріѣхалъ Карадых-ханъ сынъ. Пріѣхавши, вошелъ въ юрту Юскусъ-ола. Увидѣвши жену его, задрожалъ весь, сѣсть не можетъ, то впередъ его толкнетъ, то къ дверямъ. Кое-какъ присѣлъ, дрожитъ. Юскусъ-ола жена встала, спрашивается: ты что трясешься, или людей

*) Сосуды для храненія жидкостей.

не видѣлъ? Серебряно-золотымъ наперсткомъ кругъ надъ головой провела, усадила. Тогда, успокоивши сердце, сталъ онъ курить табакъ съ женой Юскус-ола. Послѣ трубки она его печенiemъ, сластями угостила. Угостившись, тотъ поѣхалъ домой.

Подъѣзжаетъ къ дому сынъ Каадтых-ханъ, плачетъ, реветь, стонетъ, рыдаетъ. —Если хочешь, отецъ, чтобы твой сынъ живой былъ, немедленно отними у Юскус-ола жену, а то я сейчасъ зарѣжуся.—Не идеть въ юрту. Выскочили изъ юрты Каадтых-ханъ съ женой, зовутъ сына, а тотъ бѣтъся, реветь; насили уговорили войти въ юрту. Обѣщалъ ханъ хитростью или силой отобрать жену Юскус-ола и сейчасъ же послалъ 150 солдатъ за Юскус-оломъ: «добромъ не пойдетъ—приказаль—приведите силой».

Пріѣхалъ Юскус-оль. Каадтых-ханъ и говорить ему: «жена твоя моему сыну приглянулась, ты долженъ ему отдать ее, а чтобы тебѣ не обидно было, загадаю я тебѣ три загадки. Первая—спрячься такъ, чтобы я тебя не нашелъ. Если найду, возьму твою жену; не найду, пусть твоей будетъ».

Блѣть Юскус-оль домой, плачетъ.—Ты что плачешь? спрашиваетъ жена.—Какъ не плакать, Каадтых-ханъ хочетъ меня убить, а тебя за сына взять. Велѣль мнѣ спрятаться: найти меня, ты его будешь, а меня убьешь.—Гдѣ же хочешь спрятаться?—спросила жена.—Гдѣ нибудь въ горахъ, въ утесахъ.—Нѣтъ, тамъ онъ тебя найдетъ, не плачь, я спрячу, ложись, спи.

Утромъ проснулся Юскус-оль, видѣть—пыль на степи стоять, Каадтых-ханъ ищетъ его по полямъ. Закидался во всѣ стороны. Жена успокоила его, а когда сталъ ханъ подъѣзжать уже къ юртѣ, она обратила мужа въ иголку и сѣла шить. Обыскавши горы, лѣса и степи, вошелъ въ юрту Каадтых-ханъ, все перерылъ; не найдя Юскус-ола, сѣль чай пить. Когда онъ выходилъ изъ юрты, жена Юскус-ола бросила иголку, въ мигъ Юскус-оль сдѣлался человѣкомъ, схватилъ Каадтых-хана за полу: «моя—говорить—взяла, не нашелъ!»—Хитрый ты, Юскус-оль! завтра меня ищи; не найдешь—возьму жену, найдешь—твое счастье.—Уѣхалъ.

Задумался Юскус-оль, гдѣ будешь искать? Жена спрашиваетъ: гдѣ искать будешь?—«Да гдѣ? въ горахъ, въ утесахъ, въ лѣсу, въ степи».—Ну, нѣтъ, если такъ будешь искать, въ жизнь не найдешь! Когда взойдешь въ юрту Каадтых-хана, увидишь тамъ много луковъ и стрѣлъ; перебирая ихъ, увидишь стрѣлу съ четырехъ сторонъ оперенную (остальные будутъ оперены съ трехъ сторонъ), схвати её и сдѣлай видъ, что хочешь переломить: это и будетъ Каадтых-ханъ.

На утро такъ и сдѣлалъ Юскус-оль. Когда онъ схватилъ стрѣлу и сдѣлалъ видъ, что想要 переломить её черезъ колѣно, взмолился Каадтых-ханъ: «стой, Юскус-оль, не доходи до жизни человѣка, твоя взяла!.... Ну, теперь ты спрячься завтра, я искать буду: не найду—твоя, найду—не прогнѣвайся».

Запечалился Юскус-оль, со слезами домой пріѣхалъ.—О чёмъ горюешь?—спросила жена.—«Да вотъ Каадтых-ханъ опять приказалъ прятаться; если найдеть, я погибъ».—Не плачь, успокойся, про то я знаю, ложись, спи.

Утромъ видѣть Юскус-оль: пыль стоять въ степи, то Каадтых-ханъ его ищетъ. Заметался во всѣ стороны Юскус-оль. Перерывши всѣ кучи помета по степи, обшаривши горы, сталъ подъѣзжать Каадтых-ханъ къ юртѣ. Тогда жена обратила Юскус-ола въ наперстокъ, шить сѣла. Каадтых-ханъ вошелъ съ народомъ въ юрту, все перерылъ, что можно было, не нашелъ Юскус-ола, утомился поисками, сѣль, и жена Юскус-ола напоила хана чаемъ. Но только что Каадтых-ханъ сталъ выходить изъ юрты, жена бросила ему вслѣдъ наперстокъ. Принявший свой прежній образъ, Юскус-оль схватилъ Каадтых-хана за полу, закричалъ: «что, ханъ, моя взяла, не нашелъ!»—Вѣрно, не нашелъ! Найди же ты меня завтра: не найдешь, погибнешь.

Задумался опять Юскус-оль, гдѣ искать хана. Жена успокоила: ложись, спи,—не твое дѣло,—завтра найдешь, сказала.

Утромъ, отправляя Юскус-ола, жена говоритъ: какъ войдешь въ юрту Каадтых-хана, увидишь подъ порогомъ метелку (ширбэшъ), возьми её и выбери прутикъ, который будетъ длиннѣе другихъ на палецъ. Выдерни его, это и будетъ Каадтых-ханъ, и сдѣлай видъ, что хочешь сломить.

Все такъ и вышло. Войдя въ юрту Каадтых-хана, Юскус-оль увидѣлъ подъ по-

рогомъ метелку: «а, вотъ и прутья, говорить, надо трубку почистить!» Съ этими словами онъ выдернулъ прутъ, который былъ подлиннѣе, и хотѣлъ обломить. Тогда Карадых-ханъ закричалъ: «стой, Юскус-олъ, иши вѣдь до человѣческой жизни добирается! твоя взяла, вотъ уже въ четвертый разъ выигралъ. Теперь давай пустимъ бѣгунцевъ: я—своего чернаго коня, а ты—цвѣтного чубараго. Чей конь опередить, тотъ выигралъ».

Со слезами пріѣхалъ домой Юскусъ-оль.

— Что плачешь, другъ?—спрашиваетъ жена. — «Какъ не плакать, Карадых-ханъ требуетъ, чтобы я пустилъ въ бѣгъ свъего цвѣтного, чубараго коня съ его чернымъ. Гдѣ же моему коню опередить?» — Не плачь, успокойся, спи, утромъ увидимъ.

На утро жена разбудила Юскус-ола со словами: поѣзжай къ хану, скажи, что побѣжишь съ нимъ, но чтобы коней сначала выдержать: не пить и не кормить три мѣсяца, а тогда пускать.

Карадых-ханъ согласился на такое условіе. Выдержали коней три мѣсяца: Юскус-ола конь—жирнѣе сталъ, а Карадых-хана конь—чуть живой. Пустили въ бѣгъ: Карадых-хана конь отсталъ отъ Юскус-олова коня на три мѣсяца.

— Ну, Юскусъ-оль, давай еще разъ испробуемъ, ты пусти своего буро-шѣгаго пороза, а я своего сѣро-шѣгаго; чей порозъ побѣдить, того взяла!

Рассказалъ Юскусъ-оль дома женѣ о новомъ горѣ, она успокоила его: спи, а завтра пускай пороза,—твой побореть.

Утромъ пустили. День бодаются, два бодаются, мѣсяцъ и два бодаются, въ концѣ третьаго мѣсяца Юскус-оловъ порозъ сталъ одолѣвать. Карадых-хановъ порозъ, упираясь задними ногами, всю землю изрылъ (съ тѣхъ поръ и образовались кочки); наконецъ, изловчившись Юскус-оловъ порозъ пропоролъ бокъ порозу Карадых-хана.— Опять твоя взяла! Теперь самъ поборись съ моимъ сыномъ. А сынъ у Карадых-хана былъ ботатырь.

Заплаканный пріѣхалъ домой Юскусъ-оль.

— Что ты все плачешь?—спрашиваетъ жена. — «Какъ не плакать, погибъ я теперь, Карадых-ханъ требуетъ, чтобы я боролся съ его сыномъ: гдѣ же мнѣ спасти?» — Не плачь, спи, завтра увидимъ.

Утромъ она послала Юскус-ола сказать Карадых-хану, что онъ согласенъ бороться, но чтобы три мѣсяца передъ борьбой ни пить, ни ъесть ни тому, ни другому.

По истеченіи трехъ мѣсяцевъ сошлились. Борятся день, борятся два, борятся мѣсяцъ и два, въ концѣ третьаго мѣсяца Юскусъ-оль сталъ одолѣвать... наконецъ, повалилъ да такъ повалилъ, что Карадых-хановъ сынъ въ землю ушелъ, а Юскусъ-оль все его давить. Закричалъ тогда Карадых-хана сынъ Боралдай-мергенъ: «отецъ, Юскусъ-оль убьетъ меня, освободи!» Подѣжалъ Карадых-ханъ схватилъ за плечо Юскус-ола, просить: отпусти сына.

Юскусъ-оль отпустилъ, а самъ поѣхалъ съ пѣснями домой. Домой пріѣхалъ, жена спрашиваетъ: «что ты такъ весель? или араки-кумысу напился?» — «Нѣтъ, поборолъ Боралдай-мергена, теперь не будутъ тебя отбирать. — «Постой, рано еще веселиться»— сказала жена.

Прошло немного времени, Карадых-ханъ посыаетъ за Юскус-оломъ 150 человѣкъ солдатъ, чтобы ѿхалъ непремѣнно къ нему. Пріѣзжаетъ Юскусъ-оль.—«Ну, хоть ты и меня перехитрилъ, и моего сына побѣдилъ, теперь долженъ ты черезъ три мѣсяца привезти молока бѣлаго слона. Не привезешь, прикажу тебя убить, а жену отдать сыну.

Поѣхалъ опять со слезами домой Юскусъ-оль. Жена встрѣтила: «не плачь, говорить, знаю о твоемъ горѣ, успокойся, еще бѣда не велика; лучше ложись—спи, а я подумаю, какъ быть». Утромъ она разбудила Юскус-ола, напоила чаемъ.—«Поѣзжай теперь на западъ, тамъ на краю земли увидишь бѣлаго слона, а около него будетъ слоненокъ; пошли съ тобой одну изъ старухъ, ты самъ близко къ слону не подѣзжай, а то онъ тебя сѣсть; старуха сдѣлаетъ за тебя все.

Сѣль Юскусъ-оль на своего цвѣтного чубараго коня, посадилъ старуху за сѣдломъ; старуха взяла золотой домбъ для молока. Поѣхали. Гдѣ надо мѣсяцъ ѿхать, ѿдуть

день; гдѣ надо годъ ъхать, ъдутъ мѣсяцъ. Наконецъ, на краю земли увидѣли бѣлаго слона, спина у которого ушла въ небо. Около пасется слоненокъ величиной съ большую гору.

— Теперь ты тутъ оставайся, Юскус-оль, я ужъ одна пойду къ слону—говорить старуха. Отправилась, сама думаетъ, какъ бы подобраться къ слону: если по землѣ идти, слонъ по духу узнаетъ, лучше всего спуститься сверху. Сдѣлавшись облакомъ, спустилась дождемъ на траву. Слоненокъ, пасясь, сорвалъ и ту былинку, на которую старуха упала дождемъ, а когда хотѣлъ ее проглотить, старуха стала у него по перекъ горла. Чоперхнулся слоненокъ, сталъ кричать: «мама, мама, дай мнѣ молока, хочу пососать, что-то въ горлѣ неловко». Когда подбѣжалъ къ матери, она стала кругомъ бѣгать: «что то отъ тебя, сынокъ, человѣческимъ духомъ пахнетъ, откуда бы могъ такой взяться? Сама бѣгаешь. Слоненокъ закричалъ: «мама, лучше бы ты меня не родила, если кормить не хочешь.»— И то—правда, сказала слониха, что же я бѣгаю отъ своего сына. Да и откуда бы человѣку взяться—Дала титыкъ сыну, а старуха подставила домбу да и набрала полонъ молока. Слоненокъ, насосавшись, отошелъ; старуха влѣзла къ нему въ носъ и стала щекотать, слоненокъ чихнулъ—старуха выскочила. Увидѣль её слонъ, бросился къ ней. Она сдѣлалась ворономъ, полетѣла; слонъ—ястребомъ; сталъ догонять. Старуха бросилась тогда въ воду, сдѣлалась харіусомъ, слонъ оборотился тайменемъ: совсѣмъ было догналъ, за хвостъ схватилъ—оборвалъ (оттого и теперь у харіуса можно видѣть оборванный хвостъ). Старуха на утесь бросилась и сдѣлалась пескомъ. Слонъ—за ней, и давай утесь грызть. Грызъ, грызъ, чуть всю гору не изгрызъ.—Ну, теперь я её сѣѣль—думаетъ. Пошелъ назадъ, а старуха съ молокомъ—скорѣй къ Юскус-олу.

Подѣхаль Юскус-оль къ юртѣ Карадых-хана, крикнулъ: «ої, ты, ханъ, выходи, привезъ молока! Испугался Карадых-ханъ, сталъ просить помилованія. Схватилъ его Юскус-оль, ударилъ о землю, такъ что онъ сквозь землю провалился, перебилъ всѣхъ, а скотъ себѣ забралъ. Карадых-ханъ и теперь подъ землей живетъ, а Юскус-оль сталъ ханомъ.

(Сообщено со словъ сойотъ, живущихъ по р. и рч. Кемчику и Ак-суку, минусинскимъ мѣщаниномъ И. Н. Бяковымъ).

Три кляузника.

(Сойотская легенда).

Въ давнія времена жилъ очень богатый человѣкъ, и чего-чего только у него не было: кто хочетъ—приходи, чего хочешь—проси,—отказа не было. На три дня ъзды кругомъ его стойбища народъ питался его щедростями. Собрались однажды къ богачу гости близніе и дальніе на совершение жертвоприношенія духу—покровителю страны (оран эзы), въ которой жилъ богачъ. По случаю торжества было накурено много вина—араги, почти всѣ перепились, позасыпали. Въ числѣ гостей богача были три человѣка, славившіеся умѣніемъ кляузничать. Они съ завистью смотрѣли на такое множество собравшагося народа къ богачу на пиршество. И вѣдь накормить такое скопище дѣстало же у богача жирнаго мяса! Напоить до потери сознанія достало же вина! Начали они сговариваться, какъ бы имъ унизить богача въ глазахъ народа. Не подозрѣвая ничего, немного подвыпившій богачъ, любуясь объѣвшимися и перепившимися гостями, воскликнулъ: «проси у меня кто чего и сколько хочетъ, отказа не будетъ: все у меня есть и всего хватить!»

Этимъ воспользовались три кляузника, они знали хорошо, что богачъ слова обратно на возьметъ. Когда богачъ уснулъ, они вышли изъ юрты и стали между собой совѣтоваться: чего бы имъ попросить такого, чтобы богачъ не могъ выполнить ихъ просьбы. Цѣлую ночь думали, не спали, наконецъ, къ утру одинъ кляузникъ говорить: «я придумалъ чего просить:—муки столько, чтобы достало замѣсить въ озерѣ тѣсто». Другой отозвался: «а я буду просить серебра кучу величиною въ ту сопку въ степи».

Третій прибавиль: «я буду просить столько атласа (торгу), чтобы имъ можно было покрыть всю вонь ту степь».

Всталъ богачъ, одинъ за другимъ стали подходить къ нему просители, и никому отказа не было, кто чего просилъ, то и получалъ. Еще пуще береть зависть кляузниковъ: постой—думаютъ—какъ то ты исполнишь нашу просьбу.

— Ну, что тебѣ нужно?—обратился богачъ, наконецъ, къ одному изъ нихъ.

— Такъ какъ ты, богачъ (бой), вчера обѣщалъ дать всего, что кто ни попросить, такъ одолжи мнѣ пожалуйста муки, чтобы хватило въ озерѣ замѣсить тѣсто.

— Хорошо, получиши.

Второй говоритъ: Мнѣ дай серебра кучу величиной въ ту вонь сопку.

Третій: А мнѣ атласа покрыть вонь ту степь.

— Хорошо, сказалъ богачъ, получите.—Всталъ, потребовалъ ключи отъ амбара (байжин), сходиль—принесъ серебряную ложку, вѣски и щепку (чонгу). Подаетъ богачъ ложку тому, кто просилъ муки: «сходи, братецъ,—говорить—къ озеру, перемѣряй этой ложкой воду, приди и скажи мнѣ, сколько выйдетъ ложекъ, а то я не знаю, какъ велико озеро, могу дать тебѣ меньше, чѣмъ надо, и тогда ты скажешь, что я—скупой и тебя обидѣлъ». Другому подаетъ вѣски: «сходи, другъ,—говорить—свѣшай вѣсками сопку, узнай, что она вѣситъ, тогда приходи, скажи мнѣ, и я тебѣ дамъ серебра, а то, пожалуй, дамъ тебѣ меньше, и будешь говорить, что я—скупой, тебѣ серебра не додадъ». Третьему подаетъ щепку: «сходи—говорить—смѣрай степь вдоль и поперекъ, скажи, сколько выйдетъ, тогда получишь нужное количество атласу». Переглянулись между собой кляузники и вышли пристыженные.

По уходѣ ихъ богачъ сказалъ, обратясь къ толпѣ: никогда не желайте невыполнимаго и въ большемъ количествѣ, чѣмъ вамъ нужно; иначе ничего не получите, вотъ какъ эти три человѣка.

(Сообщилъ И. Н. Бяковъ).

Ирлэдѣй, владѣлецъ громаднаго пестраго, какъ тигръ, быка.

(Сойотская сказка).

Убилъ старикъ Ирлэдѣй своего быка; въ теченіе семи лѣтъ не могъ съѣсть одной его почки. «Когда-же съѣмъ все мясо?—думаетъ—если впродолженіе семи лѣтъ не могъ осилить одной почки; моей жизни не хватить; надо идти звать всѣхъ по улусамъ, да кстати и кой-чего на нужду выпросить». Пошелъ. На пути встрѣчается ему хсу-хун (воронъ). Я не могъ въ семь лѣтъ съѣсть почки своего тигроваго быка, что можешь, съѣшь. — Дай, выкрою одинъ глазъ быка. — Пошолъ прочь, дрянь!—сказалъ старикъ и пошелъ далѣе. Попадается ему сорока, спрашивается:—не могу ли склевать лопатку быка?—Пошла прочь, дрянь!—Попадается дальше волкъ: позволь кожу съ ноги на тулун (мѣшокъ безъ шва) снять, на мясо съѣсть.—«Пошелъ прочь, дрянь!—(Потому всѣхъ гналь старикъ, что мало просили, все у него остается мяса слишкомъ много). Пошелъ далѣе. Видитъ, стоитъ дрянная юрта, взошелъ въ юрту, лежить въ ней баба, одно ухо подъ себя подослала, другимъ накрылась. Это была чилбага—вѣдьма.

— Куда пошелъ Ирлэдѣй?—спросила старуха.

— Да вотъ закололь я своего тигроваго быка, не могъ въ семь лѣтъ одной почки съѣсть, пошелъ звать, чтобы кто съѣлъ мясо. Ты сколько можешь съѣсть?

— А могу тебѣ оставить кончикъ хвоста да пару роговъ.

— Молодчина—старуха! Идемъ быка єсть ко мнѣ.

Отправились. Пришли къ старику: воронъ глазъ выклевалъ; сорока лопатку склевала; волкъ ободралъ ногу, ободралъ и съѣль.

— Ну, что, наѣлись? — спросилъ старику. Звѣри отвѣтили: — будетъ, сыты.— Вѣдьма между тѣмъ за одинъ разъ быка проглотила, большія кости изо рта выплевываетъ, тонкія кости изъ носа выкидываетъ.

— Обманщикъ—Ирлэдай, позвалъ меня, обѣщаль накормить мясомъ, а тутъ и одного хорошаго жевка нѣть. Я тебя самого сѣмъ, развѣ я шла за тѣмъ, чтобы уйти голодной.

Схватила вѣдьма старика, пошла домой. Въ юрту пришла, взяла, посадила его въ барбу¹⁾ и подвѣсила къ дымовому отверстию.—Очень вкусно копченое мясо!—говоритъ. Вышла сама изъ юрты и говорить ребятишкамъ:—я пойду по дрова, а вы, какъ Ирлэдай прокоптится, убейте его, печенку на вертель (шиш) насадите, почку на лиственномъ деревѣ зажарьте.

— Что сдѣлать съ тобой, Ирлэдай, чтобы ты померъ—спросили ребятишки?

— А стойть только ремень перерѣзать, на которомъ я вишу, тотчасъ помру тогда—отвѣтилъ Ирлэдай.

Обрѣзали ремень ребятишки, старикъ упалъ на землю. Вскочивши, схватилъ ребятишекъ, убилъ ихъ, печенку и почки насадилъ на вертель, какъ приказывала вѣдьма. Самихъ ребятишекъ положилъ на кровать, подъ одѣяло, лица вымазалъ до лоска жиромъ, а самъ выкопалъ у порога юрты большую яму, тамъ спрятался. Вѣдьма принесла дрова, сбросила около юрты; взойдя, увидѣла два вертела съ печenkой и почками, а ребятишекъ спящими подъ одѣяломъ.

— Эка какъ наѣлись, что и на лицахъ жиръ Ирлэдея выступиль, надо и мнѣ попробовать мясца Ирлэдея.—Взяла ножъ, отрѣзала кусокъ печенки:—что это, какъ будто печень моего ребенка?—съ недоумѣніемъ подумала. Попробовала почки: «что это, какъ будто почка моего ребенка?—Подскочила къ ребятишкамъ, подняла одѣяло, головы ребята покатились къ ногамъ ея.

Заревѣла вѣдьма:—обманщикъ, мошенникъ Ирлэдай, гдѣ ты, а?!—Послышался голосъ въ разныхъ мѣстахъ: а, разбойникъ, ты въ яму забрался! Схватила топоръ, онъ оказался тупымъ, надо поточить. Взяла брусь, намочить нечѣмъ: нѣть воды въ юртѣ. Побѣжала къ водѣ, на льду замѣтила кровь.—Что это за кровь, неужто моихъ ребятишекъ, надо попробовать!—Лизнула и приморозила языкъ. Выскочилъ тогда изъ ямы Ирлэдай, подѣжалъ къ вѣдьмѣ, спрашиваетъ: какъ тебѣ языкъ выsvoboditъ?—Ударь—говорить они—топоромъ моимъ между языккомъ и льдомъ, тогда языкъ освободится.—Ирлэдай схватилъ топоръ и отсѣкъ ей голову; забралъ все, что было у вѣдьмы, отправился домой и зажилъ на славу.

(Записалъ И. Н. Бяковъ со словъ сойотъ р. Кемчика).

Злая баба.

Женился одинъ человѣкъ, взяль за себя злую бабу. А у бабы была мать, еще злѣе дочери. У мужа тоже была мать, только не злая, смиренная. Жена съ своей матерью постоянно ругали мать мужа, всегда жаловались на неё: и худая то она, и лѣнивая, и обжора. Жалко мужику мать, а подѣлать съ бабами ничего не можетъ. Пришлось ему разъ отлучиться на долгое время, онъ и сказалъ женѣ: «когда будешь варить мясо, то своей матери вари легкое, а моей—бахтарму (кожу съ брюшиной)». Жена осталась довольна такимъ приказаніемъ и мать ея тоже, думаютъ: ну, теперь старуха сдохнетъ. Какъ только варить мясо, жена подаетъ своей матери легкое, а матери мужа—бахтарму, да смеется: ай да сынокъ, чѣмъ мать кормить, а тутъ и собакѣ-то ёсть нечего.

Прїѣзжаетъ мужъ. Теща при послѣднемъ издыhanіи, а мать его стала бѣдая, жирная. Теща умерла, а мать еще много лѣтъ жила, потому что онъ зналъ, что бахтарма весь жиръ, весь соѣ въ себя впитываетъ, дѣлается питательной, а легкое—если его одно ёсть—ничего не стоить, съ него и сдохнуть можно. Такъ-то онъ перехитрилъ бабъ и мать свою спасъ.

(Разсказалъ сойотъ Шумгуртей Оинсумо).

¹⁾ Барба—сосудъ изъ кожи.

Воздушный корабль.

Жили-были два друга: столяръ (бузанчи) и маляръ (будуччи); одинъ безъ другого заказовъ не принималъ, заработокъ дѣлили поровну, спали на одной постели, головами поклонились на одномъ изголовьѣ (сыртыкъ).

Однажды богачъ пригласилъ ихъ работать. Заказъ хороший, выгодный; кормить хорошо, мяса вдоволь, а по окончаніи дневной работы каждый день кугер арага (ко-жаный мѣхъ съ арагой—молочной водкой); работой не торопятъ, да и еще приманка —у хозяина дочь молодая, красавица. Стали они, украдкой одинъ отъ другого, за ней ухаживать, и одинъ думаетъ, что она его любить, другой—что его. А того не знаютъ, что она ихъ обоихъ одинаково любить. Живуть по прежнему согласно.

Только однажды столяръ замѣтилъ, какъ товарищъ маляръ любезничалъ съ красавицей въ кустахъ, разсердился страшно на вѣроломнаго друга и задумалъ его погубить. Сдѣлалъ ящикъ, придѣлалъ колеса съ крыльями и, когда все было готово, сказалъ другу маляру: посмотри, какой я искусный ящикъ сдѣлалъ, только нужно окрасить, ты сядь въ него и осмотри хорошенько, можетъ быть, чего не достаетъ. А чтобы осмотрѣть получше, возьмись за ручку, что въ крышкѣ, и верти сильнѣе. Ничего не подозрѣвавшій маляръ сѣлъ въ ящикъ и сталъ вертѣть ручку—ящикъ сталъ подниматься. Маляру понравилось, онъ давай сильнѣе вертѣть ручку, ящикъ все сильнѣе подымается вверхъ. Наконецъ, маляръ взглянулъ внизъ, голова закружилась: люди не больше мураса, юрты—не больше кочки ему показались. Что дѣлать? Если не вертѣть ручку, ящикъ упадетъ на землю, и онъ разобьется на смерть; если подыматься кверху, хватить ли силь подняться до первого неба: руки и такъ уже уставать стали. Вертить онъ ручку уже обѣими руками поперемѣнно: земли уже не видать и до неба далеко. Озираясь со страхомъ кругомъ себя, онъ замѣтилъ впереди себя ручку, сталъ ее вертѣть; ящикъ тогда не сталъ подниматься кверху, а полетѣлъ по направленію полета птицъ, когда онѣ летятъ на югъ осенью, а въ то время была какъ разъ осень и птицы летѣли домой. Времени маляръ не помнилъ, сколько онѣ летѣлъ, потому что онъ такъ высоко поднялся, гдѣ уже ночи не бываетъ, все—день. Почувствовавъ сильный голодъ, сталъ осматриваться, замѣтилъ немного сыру, варенаго мяса и для утоленія жажды—мѣхъ съ водкой. Подкрѣпившись немного, сталъ размышлять, какъ бы ему соснуть немного, и вдругъ замѣтилъ въ днѣ ящика еще ручку. Не отпуская ту ручку, которую вертѣлъ раньше, онъ схватилъ другой рукой замѣченную ручку, сталъ вертѣть, и ящикъ, продолжая полетъ, сталъ постепенно опускаться на низъ. Обрадованый маляръ, замедляя вертѣть ручку впереди, сталъ сильнѣе вертѣть ту ручку, которая была въ днѣ ящика. Какъ вдругъ онъ замѣтилъ, что опускается въ море: брызги волнъ уже долетали до ящика. Въ испугѣ маляръ схватился за верхнюю ручку и мгновенно поднялся кверху. Куда ни взглянетъ, бѣдняга, вездѣ вода—море! Что дѣлать? Кверху подниматься, до неба не долетишь; летѣть за птицами — водѣ конца краю нѣть, да и силь уже нѣтъ. Долженъ потонуть. Собравшись съ послѣдними силами маляръ сталъ вертѣть ручку, которая была впереди. Пролетѣвшіи такъ порядочно времени, она замѣтилъ впереди островъ, но въ сторонѣ, такъ что онъ долженъ былъ пролетѣть мимо. Въ отчаяніи бросилъ онъ ручку, которую вертѣлъ, и взмахнулъ руками. Потомъ дернулъ ручку вправо; ящикъ пошелъ направо; дернулъ налево, ящикъ пошелъ влево.—А, такъ значитъ это повода и можно летѣть всюду, куда захочу — подумалъ обрадованый маляръ и направился къ острову. Видитъ: на островѣ высокая каменная ограда, въ оградѣ, а въ ней каменный домъ. Подлетѣлъ къ оградѣ, спустился на землю и отъ изнеможенія тутъ же въ ящикѣ и уснулъ: спалъ три дня и три ночи. Проснувшись, сталъ сначала оглядываться: гдѣ онъ? что за ограда? Наконецъ, увидѣлъ ящикъ и вспомнилъ о коварномъ другѣ. Утоливши голодъ остатками пищи, пошелъ осматривать: нѣть ли гдѣ дверей попасть въ ограду. Три раза обошелъ, нигдѣ нѣть входа. Тогда сѣлъ въ ящикѣ, перелетѣлъ черезъ ограду, спустился на траву, вошелъ въ домъ, увидѣлъ дѣвицу, такую красавицу, что еще краше той, которую оставилъ. Дѣвица вскочила, замахала руками:—уйди, духъ! зачѣмъ сюда пришелъ, за моей душой что-ли?

— Нѣтъ, дѣвушка, я—человѣкъ, а не духъ, и не за душой пришель, а приказано мнѣ небожителями взять тебя въ жены, выдумалъ маляръ. Дали мнѣ для этого летательный снарядъ и велѣли летѣть за тобой.

— Не повѣрю, я здѣсь ужъ 10-ый годъ живу, ни одного человѣка не видѣла кромѣ одного старого слуги, который два раза въ годъ является сюда, приносить припасы и вѣсти отъ моихъ, отца и матери.

— Вѣришь или не вѣришь—это все равно, а что я—твой мужъ, это тоже вѣрно, иди, посмотри хоть мою машину и остатки припасовъ».

— Дѣвушка знаетъ, что духи вещественнымъ не питаются, видѣть, правда: передъ ней не духъ, а человѣкъ. Одно ей удивляетъ, какъ этотъ человѣкъ будетъ мужемъ, когда у родителей ей не сваталъ. Да такъ какъ маляръ былъ человѣкъ красивый, то и этотъ вопросъ былъ вскорѣ устраненъ. Живетъ маляръ съ красавицей, какъ мужъ съ женой. Красавица маляру повѣдала, что ей сватаетъ ханъ за сына, а сынъ у него дуракъ и безобразный: вотъ она и выпросила у отца выстроить для нея домъ, чтобы ни одинъ живой человѣкъ не могъ къ ней проникнуть. Разъ ночью они были разбужены шагами человѣка, держащаго въ руки огонь, съ вытаращенными отъ удивленія глазами. Маляръ сообразилъ, что это долженъ быть тотъ еамый слуга, который два раза въ годъ доставляетъ красавицѣ припасы, и говоритъ:—ты что глаза таращишь, я—мужъ твоей молодой госпожи, посланный небожителями. —Слуга, не вѣря глазамъ, думая, что видѣть духа, а не человѣка, обратился къ красавицѣ.

— Да, правда — сказала она.

— «Теперь какъ же? отецъ твой требуетъ тебя домой, хочетъ выдать за ханова сына. Если черезъ три дня ты не будешьъ его женой, ханъ грозитъ истребить все, а твоего отца и мать сдѣлать рабами.

Заплакала красавица: жалко отца и мать, жалко и маляра, котораго она успѣла уже полюбить, да и хановъ сынъ къ тому же очень ужъ безобразенъ. Маляръ, не вставая съ постели, распорядился, чтобы слуга убирался домой, сказалъ бы тестю приготовить пять мѣшковъ пороха и фитиль въ десять сажень, и что онъ жены своей никому не уступить, такъ сами небожители распорядились. Скажи ему: «черезъ три дня я самъ буду». На третій день, распросивши красавицу, куда держать направленіе, сѣль въ ящикъ и улетѣлъ. Прилетѣлъ къ тестю въ улусъ. Слуга уже передалъ распоряженіе маляра; порохъ и фитиль были приготовлены. Хотя и боялся старикъ, отецъ красавицы, раздражать хана и не вѣрилъ посланному небожителями зятю, что одинъ человѣкъ можетъ сдѣлать съ цѣлымъ войскомъ, и опять таки опасался оскорбить зятя: какъ бы не обидѣть небожителей. Пришли посланные отъ хана съ требованіемъ выдать дочь сейчасъ-же—срочъ кончается; маляръ велѣлъ отвѣтить, что невѣста одѣвается; посланные ушли. Тогда онъ садится въ ящикъ, поднимается кверху, летить къ войскамъ хана. Надлетѣвшіи надъ войскомъ, сталь онъ то подниматься кверху, то опускаться внизъ—на такое разстояніе, чтобы не могла долетѣть до него стрѣла. Когда опускается внизъ, кричить имъ изъ ящика: «я, волею небожителей,—мужъ красавицы и никому ей не уступлю, убирайтесь по добру домой». Собрались въ кучу военноначальники, а за ними и все войско, задрали головы кверху, смотрѣть, что за штука: птица не птица, кричить, какъ человѣкъ, впереди хвостъ, позади хвостъ, внизу хвостъ, голова посерединѣ.

Связалъ маляръ четыре мѣшка (прикрѣпить пятый веревки не хватило), затѣмъ привязалъ фитиль, поджегъ; когда же замѣтилъ, что фитиль догораетъ, спустившись, какъ можно ниже, опустилъ мѣшки въ самую середину войска. Какъ только мѣшки съ порохомъ упали на землю,

Н е кончен а.

Евг. Яковлевъ.